

Рождение Добрыни, первые годы жизни, бой с Маринкой

А да жил-то ле Микитушка Романович,
Ище жил-то ле Микита девеносто лет.
И не с ким-то жил Микитушка — не спаривал,
Он с Новыма ле городами не говаривал,
А с каменной-то жил Москвой — не перечилса.
Он состарился, Микита ле, приставилса.
А ёсталась у Микиты молода жона,
Молода его жона, нончи люба семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
Аж не много ле прошло да поры-времени,
И исполнилось ле тут время сорок недель,
А сорок ноньце недель, деветь месяцев,
Родила она себе да чада милого,
Родила она себе сына любимого.
Собирала она попов, отцов духовных,
Как крестить-де-ка своего чада милого,
Собралися тут попы, отцы духовныя,
Как крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарекали же,
Как её ноньце молитву-ту давали же,
Ай как дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитиц блад.
А растёт у ей Добрынюшка Микитиц же,
Кабы он ноньце растёт кабы ле год поры,
А ище он нонь растёт два года же.
Кабы вырос ей Добрынюшка шести годов,
А она стала его учить нонь в хитру грамоту:
Ище хто ли бо учитци год поры,
А Добрыня столь выучитца полгода же;
А ле хто бы ноньци учитци два года же,
А Добрыня столь выучитца в год поры.
Научился тут Добрыня в хитру грамоту,
Он востро ищэ читат, не запинаитце,

Научилса он писать пером орлинским,
Его варово ле-де ходит рука правая.
Ай кабы тут его ле да родна матушка
Отдават его ле князю да нонь Владимиру,
Отдават его она да во служеньицо.
Ож как берёт-де его князь да во служеньицо,
Он-де взял его, Добрыню, себе прислугою:
Он кабы три года у князя жил он в конюхах,
Он-де три года же жил он в приворотниках,
Он бы три года у князя жил во стольниках,
Он три года жил у князя в писарях.
Ож как прошло е' ту-де время нонь двенадцеть лет,
Кабы стал просить Добрыня у князя у Владимира,
А просить у его стал благословеньицо:
«Уж ты ой оси, ты князь да нонь Владимир же!
Уж ты дай мне-ка ле нонь благословеньицо,
Я не хаживал по городу по Кееву,
Я по тем ноньце по юлочкам широкиим,
И по тим-де по заюлочкам Маринкиным,
Не видал я ю Маринки нонь высок терем».
А как дал ноньце ле князь благословеньицо,
А как дал-де-ка ле тугой лук со стрелкою.
Он пошел ноньце по городу по Кееву,
Он по тим еще по юлочкам широкиим,
И по тим по заюлкам по Маринкиным,
Он идёт ноньце-ка стрелоцьку постреливат,
На подлётике ён стрелоцьку подхватыват,
Он как на пол нонци стрелку не уранивал.
Он идёт нонь по заюлкам по Маринкиным,
Он увидел ю Маринишки высок терем,
Ож на тереме у ей сидят на жолубах,
А на жолубах сидят два голуба.
И как тугой нончи лук он принатеивал,
Калену-де-ка стрелу он принаправливал,
Он как хочёт ей стрелеть-де этих голубов —
Его правая нога да прокатилосе,
Ищэ левая нога да подопнулосе,
У туга лука-де метоцьки побилосе.
Полетела где его нонь калена стрела,

Полетела она Маринки во высок терем,
А во то-де во окошечко косявчато,
Розломала-де околенку хрустальную,
Пролетела-де его нонь калена стрела
А во ту-де-ка во горенку Маринкину,
Ож спорола она у ей з́авесу камчатую,
Кабы падала его нонь калёна стрела
Как к тому ищэ к Маринкину милу другу,
Как к тому ищэ Змею, Змею Горыцькому,
Ищэ пала она да во чёрны груди,
Как порола его да груди чёрныя,
Ищэ тут-де-ка Змею да смерть случилось.
Как выскакивала Маринка вон на юличу,
На своё ноньце она да на круто крыльцо,
Уж подходит тут Добрынюшка Микитич блад,
Он как просит у Маринки да калену стрелу:
«Уж ты ой еси, Маринка зла-люта гроза!
Ты отдай же ты мою да калену стрелу». —
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Ты застрелил моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замуж,
Я отдам тогда тэбе да калену стрелу!»
Говорит на то Добрынюшка Микитич блад:
«Не возьму я тебя да за себя замуж,
Ты отдай же ты мою да калену стрелу!»
Говорит нонци Маринка-та люта гроза:
«Ты возьми меня, Добрыня, за себя замуж,
Я отдам тогда тебе да калену стрелу!»
Говорит на то Добрынюшка Микитиць блад;
«Я возьму когда тебя да за себя замуж,
Уж ты стерпишь ле три поученьица тяжёлые,
А которы ле поученья муж жены дават?
Ищэ перво поученьицо тяжёлое:
Ты с тотарином жила нонь, обнималасе —
По локот у тебя отсеку руки белыя;
А друго-то поученьицо тяжёлое:
Ты с тотарином жила да оплеталасе —
По колен у тя отсеку да ноги резвыя;
И третьё-то поученьицо тяжёлое:

Ты с тотарином жила, да целоваласе —
Как отрезать у тя нонь да губы белыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрелу».
А ёттуль нонци Маринка да не ёслышалась,
А пошел нонци Добрынюшка от терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она с собой книгу волшебную,
А брала она с собой да складной ножичёк,
А спускалась она скоро да с крута крыльця,
У Добрыни-то 'читала девети следов,
И как 'сякой след ножом она перечертила —
Обернула она Добрыню туром поганым.
Как побежал-де этот тур да во чисто полё,
Там как было у Маринки-то деветь туров,
Кабы этот прибежал ноньце десятой тур.
Кабы была-то нончи бабушка-задворенка,
Как были ноньце у бабушки две девушки,
Они были в лесу, брали сладки ягоды,
Там увидали у Маринки нонь деветь туров,
Ище ходит у Маринки нонь десятой тур,
Уж десятой-от ле тур да над турами тур,
Окол девушек тот тур да нонь похаживат,
А как катятця у его, тура, горяци слёзы.
А как эти ноньци маленьки две девушки,
Как пришли они бабушки-задворенки,
Говорят ле эти маленьки ле девушки,
Кабы сказывают ле бабушки-задворенки:
«Ищэ прежде у Маринки было деветь туров,
Кабы нонци у ей да стал десятой тур,
Окол нас-де, окол девушок, похаживат,
Только катятця у ёго да горяци слёзы».
Как на то была нонь бабушка догадлива,
Надевала она шубейку на одно плечо,
Кабы брала она с собой книжку волшебную,
Как брала она с собой клюку подпорную,
Побежала она Маринки злой-лютой грозы,
Прибегала она Маринки да ' высок терем,
Как клюкой у ее да печь нонь поколачиват,
Как сама она Маринки выговариват:

«Уж ты ой еси, Маринка зла-люта гроза!
Ты зачем у меня овернула да млады хресничка,
Овернула у мня туром его поганыим?
Отверни у мня назад да млады хресничка
И того у мня Добрынюшку Микитича.
Я же, не отвернешь ты моего ищэ хресничка, —
Оверну я тя кобылой водовозной,
И на весь город на тебе станут воду возить».
Эж как клюкой ей стала печь поколачивать,
Как дрожит у ей терем да весь высокой же,
А сама еще как тут ей приговариват:
«Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка, —
Оверну я тебя сукой волочажной,
За тобой станут кыцьки нонь волочитисе».
А как тут ищэ Маринка зла-люта гроза
Побоялася старушецьки-задворенки,
Отвернула она назад ноньце Добрынюшку.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родиновича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.